

историю; она мне объяснила, что все это было подстроено. Когда же я ее спросил — говорила ли она об этом Столыпину, то она мне ответила, что с таким п... она говорить и знать не намерена.

Когда открылась вторая Государственная дума, то, конечно, прежде всего приступили к рассмотрению бюджета. Этим думали в значительной степени занять и отвлечь внимание Государственной думы от более колких вопросов, но так как с первого же раза обрисовался характер Думы, то правительство многие из тех законов, которые оно издало по ст. 87, а главным образом законы характера политического и полицейского, — не представило в Государственную думу, почему законы эти потеряли свою силу, хотя на практике то же самое продолжало действовать, но не в силу закона, а в силу сепаратных распоряжений и произвольных действий правительства.

7 мая последовало правительственные сообщение в Государственной думе и Государственном Совете «О задержании членов преступных сообществ, поставивших целью посягнуть на жизнь Государя, великого князя Николая Николаевича и Столыпина». Дело это затем слушалось в С.-Петербургском военно-окружном суде в августе месяце. Но так как оно слушалось при закрытых дверях, то разобраться в этом деле крайне трудно.

Меня уверяют, — это мнение поддерживают и заграничные левые издания, — что будто бы все дело, если не вполне, то в значительной мере, было выдумано и провоцировано для того, чтобы произвести впечатление на общество.

Я со своей стороны не берусь поддерживать такое мнение, хотя, с другой стороны, после всех ис-

торий с провокациями, с Азефом и пр. историями, касающимися действий секретной полиции и самого Столыпина, я бы не дал свою руку на отсечение в доказательство того, что покушение это действительно имело место.

Меня в особенности удивляет то обстоятельство, что в этом деле Столыпин поставил свое имя наряду с именем Государя и великого князя Николая Николаевича.

Во время междудумья по статье 87, между прочим, также был издан и закон «Об ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати». Правительство не хотело прекратить действие этого временного закона, вследствие непредставления его в Государственную думу, почему закон этот и был представлен в Государственную думу, но 21 мая он был Думой отклонен.

Все время проявлялось явное разногласие между деятельностью правительства и деятельностью Государственной думы. Было ясно, что так дело идти не может. А потому Столыпин начал разрабатывать вопрос о том, каким образом сделать так, чтобы под благовидным предлогом распустить вторую Государственную думу и затем, в случае разгона второй Думы, решить вопрос, как поступить: собрать ли третью Думу или же сделать *coup d'état* — государственный переворот.

К этому времени Столыпин приобрел уже значительную силу и в глазах императора и придворной партии. Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве — в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный

человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт, то он был бы вполне государственным человеком. Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования. По образованию и уму, ввиду неуравновешенности этих качеств, Столыпин представлял собой тип штык-юнкера.

Но Государю и придворной партии, по-видимому, нравились его отважность и его храбрость; что же касается других качеств, то для оценки их не было достаточно компетентных судей.

Затем Столыпину весьма повезло вследствие двух несчастий.

Одно несчастье — до него, как человека, совсем не касалось, а другое — коснулось его, как человека.

Первое — это несчастье с генералом Треповым, т. е. то, что не успел Столыпин вступить на пост председателя Совета Министров — как Трепов умер от разрыва сердца.

Благодаря Трепову я не мог продолжать оставаться председателем Совета Министров, так как я не мог ужиться с бесшабашностью в государственных делах, а потому по собственному желанию ушел с должности главы правительства. Та же самая причина значительно повлияла и на уход, но уже недобровольный, Горемыкина, с поста председателя совета. Я не сомневаюсь в том, что если бы Трепов и при Столыпине был жив, то он в значительной степени подкашивал бы влияние и авторитет Столыпина. Но первое счастье Столыпина и заключалось в том, что Трепов неожиданно умер.

Таким образом, несчастье с Треповым явилось счастьем для Столыпина.

Вторым счастливым событием для Столыпина было несчастье у него самого, а именно взрыв на Аптекарском острове, взрыв, при котором пострадали его сын и дочь.

Несомненно, это покушение не могло не возмутить всякого порядочного человека, и это возмущение естественно породило симпатии к Столыпину.

Со своей стороны даже думаю, что если бы Столыпин был один, не имел вокруг себя семейства, то он бы не обратился в то, чем он стал: он бы делал ошибки по отсутствию государственного образования, делал бы, может быть, резкие, неуместные выпады, но оставался бы уважающим себя честным государственным деятелем.

Но, как говорят все лица без исключения, имевшие с ним дело, Столыпин, будучи человеком с темпераментом и с большим самостоятельным темпераментом в отношении всех, терял этот темперамент, когда он имел отношение к своей супруге.

Супруга Столыпина делала с ним все, что хотела; в соответствии с этим приобрели громаднейшее значение во всем управлении Российской империи, через влияние на него, многочисленные родственники, свояки его супруги.

Как говорят лица, близкие к Столыпину, и не только близкие лично, но близкие по службе, это окончательно развратило его и послужило к тому, что в последние годы своего управления Столыпин перестал заботиться о деле и о сохранении за собой имени честного человека, а употреблял все силы к тому, чтобы сохранить за собой место, почет и все мате-

риальные блага, связанные с этим местом, причем и эти самые материальные блага он расширил для себя лично в такой степени, в какой это было бы немыслимо для всех его предшественников.

Вторая Государственная дума была распущена 3 июня 1907 года.

Я помню, что перед роспуском Думы я два раза видел министра Двора бар. Фредерикса. Один раз я был у него по своему личному делу; между прочим, барон Фредерикс заговорил со мной о том, что предполагается выработать новый выборный закон, на что я ему сказал, что я со своей стороны советовал бы, чтобы в Совет Министров, который будет вырабатывать этот закон, были приглашены прежние государственные деятели, знающие историю этого дела.

В соответствии с этим, в заседание Совета, который разрешил вопрос о новом выборном законе, были приглашены Горемыкин, Акимов и Булыгин.

В другой раз сам министр Двора пришел ко мне, по собственной ли инициативе, или не по своей инициативе — этого я не знаю. Разговор между нами происходил в моем кабинете, в котором висит портрет императора Александра III.

Министр Двора поставил мне вопрос: не могу ли я дать совет, что делать? На что я ответил бар. Фредериксу, что мне трудно дать совет, так как я не знаю о всех обстоятельствах дела. Ответ этот бар. Фредерикс, по-видимому, почел за желание с моей стороны уклониться, так как вообще после 17 октября было в моде такое предположение: что я, мол, знаю, как спасти Россию, но только не хочу этого сделать.

Тогда бар. Фредерикс сказал мне: